

# Культура и современность

Заметки на полях

## «ВВЕРХ ПО КРУТОЙ ДОРОГЕ»

За всеми вопросами, которые задавал Джеймсу Болдуину, крупнейшему негритянскому прозаику США, беседовавший с ним корреспондент журнала «Бук лайджест», скрывался один главный, на разные лады повторяемый вопрос: почему вы не хотите признать, что достигнут «подлинный прогресс в деле ассимиляции» черных в американском обществе? Напечатанный в журнале текст мало похож на грациозное интервью. Вместо привычно беглых оценок недавно появившихся книг и двух-трех фраз насчет собственных творческих планов виден принципиальный спор писателя со своим собеседником. Местами спор идет чуть ли не открыто.

Собеседник напорист: неужели Болдуину не ясно, что у черных в сегодняшней Америке «есть вполне реальная власть», неужели его не впечатляет «пронсколящая у нас на глазах эволюция»? Какие еще «решительные изменения в американском обществе» нужны ему для того, чтобы «оценить ситуацию более позитивно»? Не лучше ли порадоваться достигнутому и с уверенностью смотреть в будущее? Вот, к примеру, теперь не такая уж редкость известный профессор, общественный деятель, влиятельный медик из негритянской среды. И уж они-то, несомненно, «полностью освоились в современной Америке». Но непреклонен и Болдуин:

«Да, эти люди поднялись на ту ступень, которую общество считает для них позволительной... У них особая роль — что-то вроде украшения на ткани. Я сам принадлежу к числу таких людей. Они умеют работать. Они умеют пробиваться вопреки всему. Но попробуйте всерьез изменить положение дел хотя бы в одной школе».

Когда говорят о «прогрессе», о «реальной власти» черных американцев, подсчитывают количество негритянских конгрессменов, негритянских мэров городов. Да только — «много ли может черный мэр, целиком зависящий от начальства своего штата»? Та «власть», без которой негры «ныне просто не существовали бы», в сегодня, как десятилетия назад, определяется лишь одним — умением выжить в окружающем себя враждебном мире, способностью терпеть, сопротивляться, как-то прилаживаться к чужим понятиям и нормам и на каждом шагу сдерживать, ограничивать себя.

Об этом не упоминается в благополучных статистических сводках показывающих, как растет число негритянских студентов в университетах почти уравниваются с положением белых выпускников их шансы получить работу. И вообще эта сторона дела не принимается во внимание, когда толкуют о «реальном прогрессе» в области расовых отношений. Ведь так удобно сослаться на новые законы направленные против расовой дискриминации, привести два-три примера «реального прогресса» и сделать вид, что, собственно, и самой проблемы больше нет. Все как будто бы логично. Но только не для Болдуина, который вырос в гетто и на собственном опыте извещал, как велика в США дистанция между демократическими принципами и их осуществлением на практике. А Болдуин именно из таких людей. И ему нетрудно опровергнуть мнимую логичность сегодняшних оптимистов. Да, законы приняты, но дискриминация остается, по-прежнему на каждом шагу бросается в глаза социальное неравноправие черных и белых американцев. Оно и создает многочисленные барьеры между этническими группами, оно и является первоосновой расового конфликта — социального конфликта по самой своей сути. И поэтому его острота не угасает и не может угаснуть.

Разве сам факт относительного приспособления, сравнительного благополучия отдельных негритянских семей делает несущественной цену, которой оплачивается подобный успех? Ведь цена непомерно велика. Как заметил Болдуин корреспонденту, «черному приходится расплачиваться уже за то, что он живет в Америке». С детства ему знакомо чувство своей отверженности, и он стремится преодолеть свою неполноценность, «создавая в самом себе стереотип белого», уродуя собственную личность. Его постоянно преследует страх перед опасностью насилия, всегда реальной и грозной, и, даже сделавшись «украшением на ткани», не чувствуя столь остро «угрозу общества извне, он продолжает ощущать ее, но уже в себе, в своем внутреннем мире».

И эта ситуация, по сути, ничуть не изменилась с течением времени. В годы войны, когда Болдуин был железнодорожным рабочим и в армейских лагерях впервые столкнулся лицом к лицу с «обыкновенным расизмом» повседневного американского быта, ему открылось такое знакомое любому чернокожему состояние, «когда ты чувствуешь себя в высшем смысле беспомощным, полностью беспомощным, как бы ты не поступал». Прошло тридцать с лишним лет, Болдуин стал всемирно известным писателем. На первый взгляд его биография, начинавшаяся в трущобных кварталах Гарлема, могла бы служить аргументом для тех, кто рассуждает с благотворной «эволюцией», стараясь не обращать внимания на действительно существенные факты. Однако об этих фактах не устает напоминать сам Болдуин. Для него и сегодня все, как было в дни его юности.

«Я понял, что значит быть черным в Америке. Это ужасно. И это придется осознать каждому поколению, потому что дух, господствующий в нашей стране, неизменен. Меняются только частности. Я понял, что это такое, когда соотечественники обливают тебя презрением».

Корреспондент «Бук дайджест» М. Кросс не соглашается:

«Я думаю, все это давно в прошлом».

Знакомая нота! После трагических событий 60-х годов, когда по всей Америке прокатилась волна негритянских восстаний и пылали гетто Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, после того, как чуть спало напряжение расового конфликта и жизнь медленно начала входить в обычную колею, многим не хочется вспоминать близкую историю и очень хочется сделать вид, что она, к счастью, ушла безвозвратно и никогда не повторится.

В годы взлета негритянского движения позиция Болдуина неизменно была и подлинно гражданской, и подлинно гуманистической и реалистичной. Он с презрением отвернулся от идеологов «благополучной» черной буржуазии, перепуганной размахом борьбы и искавшей любых средств, чтобы пригасить ее накал. Он отверг и националистический авантюризм ультралевых группировок с их лозунгами расового террора и негритянского сепаратизма. В то же время Болдуин открыто выразил солидарность с движением за гражданское равноправие и поддержал самые революционные силы черной Америки. Свои взгляды он высказал в книге «Имени его не будет на площади»; она известна читателям «Иностранной литературы»<sup>1</sup>. И в отличие от некоторых недавних пропагандистов левацкого экстремизма, которые теперь занялись перекрашиванием своих обанкротившихся теорий и сведением счетов друг с другом, Болдуин не отступил от идей, прозвучавших со страниц этой книги.

«Прошлое? — отвечает он М. Кроссу. — Но как это может стать прошлым? В 1957 году я оказался в Литтл-Роке, потому что там бушевало насилие. Девятнадцать лет спустя та же причина заставила меня отправиться в Бостон».

Не вырываясь на поверхность с такой периодичностью, как в минувшее десятилетие, пламя негритянской борьбы продолжает кипеть в непотухшем вулкане, и у Болдуина нет сомнений, что близится новый катаклизм, — ведь конфликт не закончен, а порождающие его причины не исчезли. В интервью «Бук дайджест» он говорит об этих причинах просто и четко:

«Большинство черных в Америке по уровню жизни стоит намного ниже, чем большинство белых... В своих основах наше общество остается сегрегированным... Вы находите, что положение в самом деле меняется к лучшему? Хотелось бы мне, чтобы вы почитали письма, которые я получаю из тюрем».

Как не хватает такой ясности людям, еще несколько лет назад стоявшим у руля негритянского движения! Кумиры левой молодежи 60-х — Стокли Кармайл, Эдридж Кливер — ходом событий отодвинуты так далеко на задний план, что нынешнее поколение черных американцев едва знает их имена. Они молчат годами — не потому ли, что скороспелые теории безотлагательной расовой революции заслонили от них реальность американской общественной ситуации, которая опровергла их построения, внушив им чувство катастрофы и полную растерянность? А реальность в том, что судьба негритянского народа не может решаться отдельно от судеб всей Америки. И потребуются

<sup>1</sup> См. «Иностранную литературу» № 2, 3, 1974 г.

годы последовательной социальной борьбы и духовной работы — кропотливой, не допускающей никаких иллюзий работы, чтобы покончить с дискриминацией и сломать барьер расового отчуждения, обеспечив подлинное равенство — и по закону, и по сути, и по форме отношений между людьми.

Расовое отчуждение... Эта тема проходит через все творчество Болдуина, да, пожалуй, и через всю негритянскую литературу последних десятилетий. Собственно, даже не тема, а целый узел острейших проблем. Их содержание далеко не замкнуто психологией. С ходом времени социальные коллизии, порожденные расизмом, все отчетливее кристаллизуются во всей сфере повседневных человеческих отношений. Здесь-то особенно и выявляется, насколько формально, иллюзорно то равенство, которое провозглашено законом. Ибо по сути Америка по-прежнему не признает (как не признавала веками) своих черных граждан гражданами в истинном значении слова, свободными и полноправными людьми.

Активная борьба против расизма принесла свои плоды, и сегодня это неравенство не столь самоочевидно, как прежде. Но оно не укроется от внимательного взгляда. Ведь и в самом деле «меняются только частности», а дух расовых отношений неизменен. Сегрегация потеснена юридически, но все так же осуществляется на практике — просто форма иная, форма «эмоциональной сегрегации», как называет ее Болдуин.

Едва ли этот термин выдержит суд теоретического мышления. Строго говоря, дело упирается не в расовую разобщенность и разъединенность — Болдуин, заметим, склонен их абсолютизировать. Дело упирается в социальные установления, которые сделали неизбежным этот тяжелый конфликт.

Здесь — не социальное обобщение, а скорее поэтический образ, и важно видеть то очень реальное и для негра крайне болезненное содержание, которое за ним стоит. На фоне правовой дискриминации и полицейского произвола какая как будто мелочь — отдельные для черных и белых подростков школьные вечера или раздельные, точно клетки на шахматной доске, кварталы американских городов. И не всегда замечается, что с этих ранних уроков социальной и психологической раздельности и ведет свое начало процесс духовного формирования негритянской личности. День за днем подвергаясь «эмоциональной сегрегации» в ее бесчисленных формах, воспитываясь на сознании своей второстепенности, человек нередко накапывает в себе такую ненависть ко всей жизни, которая его окружает, что неполноценным, изуродованным оказывается весь комплекс его этических представлений. Известно, что среди негров всего больше наркоманов, что в негритянской среде наиболее высока преступность. Расисты утверждают, что во всем этом повинны врожденные этнические особенности черных. На самом деле это глубоко социальная проблема.

Биография человека, молчаливо, но последовательно оттесняемого в гетто и приручаемого к сегрегации как к некоей естественной норме существования, словно бы обречена закончиться катастрофически — либо саморазрушением и нравственным распадом, если он капитулирует перед такими «нормами», либо гибелью в отчаянной схватке один на один с обществом, пропитанным духом расизма. Это тоже цена, которую должен заплатить черный за то, что он родился и живет в Америке. Сколько раз эта специфическая негритянская трагедия оказывалась в центре внимания литературы! О ней писал Ричард Райт в «Сыне Америки» (1940). И Ральф Эллисон в «Невидимке» (1952). И сам Болдуин в «Другой стране» (1962). Очень разные книги, но вместе с тем — своего рода трилогия, в которой существенна не эволюция, а как раз конечная неизменность конфликта героя с Америкой, повторяющегося десятилетие за десятилетием и всегда завершающегося жестокой развязкой.

Так же повторяется — и так же завершается — этот конфликт и сегодня. Не случайно Болдуин в беседе с корреспондентом упомянул о письмах, которые приходят ему из тюрем: у него есть причины верить таким письмам больше, чем рассуждениям о «прогессе» в расовых отношениях, его корреспондентам характер этого прогресса достоверно известен из личного горького опыта отверженных. Накаленная атмосфера 60-х годов и сегодня продолжает ощущаться в своих последствиях. Они затрагивают меняющееся самосознание черной Америки и весь комплекс ее бытия. Они проявляются, среди многого другого, и в той духовной подавленности, которой охвачена сейчас, в период относительного спокойствия, некоторая часть негритянской молодежи, уже не верящей в лозунги недавней эпохи, не находящей для себя конкретного общественного идеала и опасно восприимчивой к настроениям отчаяния и этического нигилизма.

«Все знают, — говорит Болдуин в интервью для «Бук дайджест», — о том, что произошло с Медгаром Эвансом, с Малькольмом Икс (лидеры негритянского движения, павшие жертвами насилия в 60-е годы. — А. З.). Но не все знают о том, что в те же годы происходил внутренний надлом, и вот мы сегодня видим их, всех этих ребят, у которых что-то навсегда повредилось в душе, всю эту молодежь, которая навеки останется потерянной, хотя она все еще жива. Это и есть настоящий счет тому времени. Страшный счет».

Быть может, и эта мысль даст критикам Болдуина повод для того, чтобы упрекнуть писателя в чрезмерном пессимизме. Такие упреки обычны, их повторил и М. Кросс. Стали общим местом утверждения, что Болдуин по своим взглядам чуть ли не фаталист, что он воспринимает мир в экзистенциалистских категориях человеческой

отчужденности, обреченности, «заброшенности» в равнодушном макрокосме общества, что он не признает возможности разумных и справедливых социальных отношений.

Назвать эти обвинения просто несправедливыми нельзя. Иные книги Болдуина дают для них определенные основания. Но нельзя согласиться с тем, что подобное видение (даже в тех случаях, когда оно действительно присуще Болдуину) является произвольным и не имеет почвы в американской действительности, которую писатель стремится понять и объяснить.

Болдуин непрост — наверное, как каждый значительный художник. Есть в его творчестве свои крайности и свои слабости. Они порождены главным образом присущей Болдуину повышенной эмоциональностью: он крайне напряженно переживает драматизм текущего и порою игнорирует диалектику и сложность общественного процесса. Он обостренно — быть может, слишком обостренно — воспринимает тягостные явления окружающего мира: незамечаемую повседневную жестокость, стихийные вспышки насилия, все более частые примеры моральной дегенерации, «потерянность» и ненужность личности в стандартизованном, бездуховном обществе.

Эта жестокая реальность порою становится для Болдуина самоодвелеющей. Здесь его самая ощутимая слабость как художника. Не оттого ли конкретные следствия трех веков расизма — опустошенность, чувство своего бесправия и своей «второсортности», такое мучительное для его героев, — подчас заслоняют от Болдуина первопричины и сущность всего расового конфликта как социальной проблемы и тем самым объективно снижается художественная значимость его книг? Не оттого ли и его запальчивые инвективы по адресу негритянских писателей 20—30-х годов (они прозвучали и со страниц «Бук дайджест»), и его явно поспешный отказ признать негритянскую литературу — прежде всего литературой протеста, хотя протестом полны и его собственные книги?

Только протест этот так и не приводит Болдуина к решительному шагу — к признанию, что трагизм негритянской ситуации, столь остро им ощущаемый, не может быть преодолен в рамках той общественной системы, которая и создала саму эту ситуацию. А пока такой шаг не сделан, выхода и не может найтись. Вот почему так часто книги Болдуина оставляют горький привкус безнадежности. Вот почему писатель иногда вдоволь приближается к той грани, переступив которую художнику уже не просто освободиться от идей изначальной абсурдности и извращенности жизни.

Однако и в самых безысходных его книгах — «Другой стране», «Скажи, давно ли ушел поезд» (1968) — обязательно ощущим тот трагизм, который не задан наперед модернистской схемой, а определяется действительным жизненным опытом и самого автора, и черной Америки, от чьего имени он говорит. Через наслоения заимствованных у экзистенциалистов концепций в его творчестве всегда пробивается реальная и, как правило, особенно жгучая, особенно драматичная социальная проблематика. Она затрагивает болезненные стороны американской жизни — прежде всего, конечно, неубывающе злободневную тему расовых отношений. И если болезненность порой сообщается художественному мироощущению Болдуина, дело здесь не только в особенностях его позиции, но и в особенностях материала, который влечет его как писателя и из которого соткана его биография как личности.

«Я вовсе не подавлен происходящим, — заявляет он со страниц «Бук дайджест». — По природе я оптимист. Только я не строю радужных иллюзий в отношении всего того, о чем мы говорили. Ибо предстоят очень жестокие испытания, через которые придется пройти нашей стране... Но я не утратил веры в Америку, которая была мне свойственна и раньше».

Для Болдуина, как и для других американских писателей, это прежде всего вера в демократическую Америку и крепнущие духовные силы негритянского народа, в его новое самосознание, утверждающееся — пусть с неизбежными трудностями и неизбежными трагедиями — сегодня, когда в полной мере начинает раскрываться исторический смысл огромных общественных потрясений 60-х годов. Преодолевая настоящие на расизме представления о сущности негритянского характера, откачиваясь от левацких концепций, которые сопутствовали борьбе за равноправие в последнее десятилетие, мысль и культура черной Америки стремятся объективно осознать историю, традиции, миропонимание, этику этой необыкновенной страны, которая неотделима от американской действительности и в то же время отделена от нее многочисленными барьерами — и явными, и невидимыми, но прочными. В литературе наметилась новая тенденция: сошли со сцены ревнители «черной исключительности», кончили увлечения эстетическим примитивом, пропагандирующим экстремистские идейки, и снова заявил о себе реализм с его неотъемлемыми качествами объективности, многогранности, историчности, пристального социального анализа повседневной жизни.

Всего полнее эта тенденция воплотилась в повести Болдуина «Если Бийл-стрит могла бы заговорить»<sup>1</sup>. Но не только в ней. Примечательны книги молодых писателей, выступивших уже в 70-е годы. Они обращены к реальному миру и показывают современную негритянскую трагедию во всей жестокости. Но, как и повесть Болдуина, эти книги полны надежды, и герои уже не чувствуют себя обреченными — у них доста-

<sup>1</sup> См. «Иностранную литературу» № 7, 1975 г.

нет сил выдержать самые крутые повороты судьбы, в них пробудилось человеческое достоинство, созрела убежденность в своей нравственной правоте. К такой литературе приковано сегодня внимание критики и читателей.

Время накладывает рельефный отпечаток на социальную и духовную жизнь черной Америки: рождается новое ощущение своей истории и своего места на земле, оформляются новые потребности сознания и новые этические ориентиры. В одной из недавних статей Болдуин очень точно определил суть умонастроения, которое сейчас становится все характернее для черных американцев: человек немалым вне своей истории, он должен осознать эту историю в ее трагизме и величии, осознать самого себя наследником и продолжателем исторического процесса. И сделать все от него зависящее для того, чтобы это был процесс развития и «движения вверх по крутой дороге, хотя каждый может погибнуть под колесом истории».

Пожалуй, и о самом Болдуине можно сказать, что его творчество — это движение вверх по крутой дороге. Тридцать лет назад это имя впервые появилось в печати, и с той поры вокруг любой его книги завязывались горячие споры, потому что всегда в произведениях Болдуина отражались острейшие коллизии американской реальности. Случалось и так, что уместнее было говорить не о движении вверх, а о движении вспять, но писатель преодолевал эти кризисы, как преодолевала свои кризисные периоды и та, «другая страна», которая в книгах Болдуина смогла заговорить.

Сделанное этим писателем — настоящая художественная хроника той полосы жизни, которая несомненно останется одной из важнейших в истории негритянской Америки: ведь в эти годы произошел подлинный переворот в ее мышлении и психологии. О том, что значил этот переворот и что он сулит, и шел спор между писателем и его собеседником в «Бук дайджест». Не каждому, даже большому, художнику суждена такая нерасторжимость со своим миром и такая значимость для своего мира. Чтобы обрести ее, наверное, нужен особый дар, которым владеет Болдуин, — дар нечасто встречающейся чувствительности к подземным толчкам истории, дар особой восприимчивости к биению пульса времени.

А. ЗВЕРЕВ

